Левъ Тихомировъ.

ДУХОВЕНСТВО И ОБЩЕСТВО

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ

РЕЛИГІОЗНОМЪ ДВИЖЕНІИ.

Изданіе Русскаго Обозрѣнія.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1892.

„Пров 38"

Дозволено цензурой. Москва, октября 15 дня 1892 г.

Изъ № 9 *Русскаго Обозрѣнія 1892 г.*

I.

Настоящее время всѣми признается временемъ особеннаго оживленія религіознаго чувства въ образованномъ обществѣ. И правда, немного было за послѣдніе годы политическихъ событій, способныхъ возбудить такую оживленную полемику, какую возбудилъ, напримѣръ, извѣстный рефератъ г. В. Соловьева. Выразительнымъ показателемъ настроенія общества является также сильный притокъ „свѣтскихъ“ въ ряды духовенства, особенно монашествующаго. Такихъ признаковъ времени не мало. Въ однихъ они возбуждаютъ недовольство, какъ проявленіе „реакціи“. Другіе, напротивъ, видятъ въ нихъ залогъ духовнаго возрожденія Россіи. Но фактъ вообще одинаково признается всѣми.

Въ этомъ движеніи, какъ бы мы ни опредѣляли его размѣры, есть, однако, одна очень странная черта, заслуживающая вниманія какъ Церкви, такъ и самихъ людей общества, дѣйствительно чувствующихъ въ себѣ пробужденіе *религіозныхъ* интересовъ. Это нѣкоторая разобщенность, подчасъ даже явный антагонизмъ, между духовенствомъ и общественнымъ религіознымъ движеніемъ. Во времена еще очень недавнія отношеніе къ Церкви со стороны вѣрующихъ и невѣрующихъ было чрезвычайно просто. Кто не вѣрилъ, тотъ часто былъ ярымъ врагомъ Церкви, но всегда *открытымъ*. Кто вѣрилъ и приходилъ къ Церкви, тотъ приходилъ искренне, съ довѣріемъ, не для того, чтобы какъ-нибудь *воздѣйствовать* на Церковь, но чтобы *воспринять ея воздѣйствіе*. Нынѣ эта простота отношеній чрезвычайно замутилась. Вѣрующихъ какъ-будто стало гораздо больше, но во что̀ они вѣруютъ? Этотъ вопросъ невольно ставишь себѣ, когда видишь ихъ отношеніе къ духовенству̀. Въ старыя времена если бывшій атеистъ или самовольно ищущій Бога становился монахомъ, то каждый понималъ, что стало-быть въ немъ произошелъ глубокій

переворотъ, что стало-быть бывшій невѣрующій отрекался отъ прошлаго, и не для какихъ-либо новыхъ умствованій, а для того, чтобы смиренно спасать душу по ученію и руководству Церкви. Нынче—этой увѣренности далеко нельзя имѣть. Религіозное движеніе общества скорѣе похоже на „броженіе“, результатъ котораго еще очень и очень подлежитъ сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ. Огромная доля этого броженія уходитъ прямо въ *сектантство* или противное Церкви (какъ Пашковщина) или даже незаслуживающее названія христіанскаго (какъ Толстовщина). Другая часть движенія не только не ищетъ руководства Церкви, но страстно критикуетъ ее и открыто выражаетъ стремленіе сверху до низу ее передѣлать. Наконецъ, обращаясь къ самой массѣ людей религіознаго движенія въ образованномъ обществѣ, мы замѣчаемъ въ нихъ уже по малой мѣрѣ недостаточную нравственную связь съ Церковью, замѣчаемъ работу духа самовольную, „самочинную“.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно выразителенъ уже одинъ фактъ *свѣтскаго* учительства. По всему духу церковныхъ наставленій, съ древнѣйшихъ апостольскихъ временъ, учительство есть право и обязанность *клира*. „Не подобаетъ мірянину брать на себя учительское достоинство“, какъ формулировали отцы шестаго Вселенскаго Собора. Въ исторіи же „возсоединенія“ образованнаго общества къ христіанству, учительство мірянъ почти заслоняетъ Церковь. Миссіонерами общества съ самаго начала являются: журналисты, романисты, „вольные пророки“. Это ненормальное явленіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что въ „религіозныхъ“ спорахъ иного интеллигентнаго кружка не услышишь другихъ ссылокъ, кромѣ какъ на Хомякова, Достоевскаго, Леонтьева, Соловьева и т. д. Словно они имѣютъ хотя тѣнь церковнаго авторитета! Общество учится религіи у *своихъ* людей. А въ то же время—церковные учители, законные пастыри и наставники, какъ-то отсутствуютъ въ процессѣ обращенія общества. Отдѣльныхъ лицъ они обучаютъ и наставляютъ, а цѣлое *движеніе* для нихъ какъ бы не существуетъ.

Эти странности въ основѣ нашего „религіознаго движенія“ не могутъ не имѣть какой-либо глубокой причины. Когда мы обращаемся за разъясненіемъ недоумѣнія къ обществу, то получаемъ отвѣтъ ничуть не убѣдительный, но только подтверждающій отсутствіе духовнаго единства между людьми общества и

пастырями Церкви. Мы слышимъ рядъ обвиненій противъ духовенства. Духовенство будто бы „косно“, будто бы „кастово замкнуто“, „не умѣетъ понять запросовъ общества“, даже „не умѣетъ говорить его языкомъ“. При малѣйшемъ вниманіи не трудно видѣть, что всѣ эти обвиненія, еслибы даже они и заключали извѣстную частицу правды, совершенно ничего не объясняютъ. Въ самомъ дѣлѣ: при чемъ тутъ „кастовая замкнутость?“ Развѣ она мѣшаетъ духовенству *знать* вѣру? Развѣ духовенство отказываетъ ищущему истины въ объясненіи ея? Почему же человѣкъ общества идетъ за разъясненіями не къ своему священнику, а напримѣръ, къ г. Соловьеву? Совершенно нелѣпо подумать, чтобы духовенство, особенно если оно *замкнуто* въ сферѣ религіозной жизни, могло не понимать запросовъ общества, если только эти запросы дѣйствительно *религіозны*, направлены на исканіе Бога. Еще страннѣе упрекъ въ разности языковъ. Но наше образованное общество, находя въ какомъ-либо ученіи нѣчто родственное своимъ стремленіямъ, научается понимать самые невѣроятные языки Гегеля, Фурье, Канта и кого угодно. Неужели столь недоступенъ его пониманію только прекрасный русскій языкъ митрополита Филарета? Очевидно, что все это однѣ натяжки, одинъ предлогъ для прикрытія чего-то другаго, быть-можетъ, плохо сознаваемаго обществомъ, но составляющаго *дѣйствительную* причину розни.

II.

Образованному обществу нравится думать, будто бы духовенство не понимаетъ его возвышенныхъ запросовъ и потому держится около него съ холодностью „кастовой замкнутости“. Такъ ли это? Не въ томъ ли дѣйствительная причина, что „возвышенныя стремленія“ общества ничуть не возвышенны, не Бога ищутъ, мало *религіозны?* Къ сожалѣнію, это предположеніе именно и объясняетъ все дѣло. Оставимъ общія, поголовныя обвиненія. Вглядимся въ частные факты, болѣе понятные. Каково бы ни было наше духовенство *вообще*, во всякомъ случаѣ за весь періодъ „пробужденія религіозныхъ интересовъ“ Церковь не имѣла недостатка въ пастыряхъ, учителяхъ и служителяхъ, къ которымъ неприложимы обвиненія въ косности или непониманіи.

Неужли жь митрополитъ Филаретъ не могъ возвыситься до пониманія *религіозныхъ* запросовъ Хомяковыхъ и Аксаковыхъ? Сравнимъ Достоевскаго и епископа Θеофана Тамбовскаго. Кто кого могъ *учить?* На нашихъ глазахъ десятки образованныхъ интеллигентовъ посѣщали о. Амвросія Оптинскаго, и всѣ единогласно признаютъ, что онъ прекрасно понималъ „тонкости“ ихъ образованной души. Почему же всѣ такіе служители Церкви, не жалѣя силъ на спасеніе даже одной отдѣльной души, стоятъ въ сторонѣ отъ нашего „религіознаго движенія“ въ цѣломъ? Почему они не становятся его руководителями вмѣсто нашихъ романистовъ и журналистовъ? Странная „косность“! Но образованному обществу еще болѣе поучительно вдуматься въ тотъ фактъ, что его собственные, и далеко не худшіе люди, становясь дѣйствительно религіозными и православными, почему-то изъ „активныхъ“ чрезвычайно легко превращаются въ такихъ же „косныхъ“ людей, какъ и природные члены „кастово замкнутаго“ духовенства. Любопытенъ разсказъ К. Н. Леонтьева о бесѣдахъ его съ о. Климентомъ Зедергольмомъ. О. Климентъ, въ мірѣ, тоже былъ человѣкъ общества и даже протестантъ (что̀ его конечно дѣлало еще болѣе родственнымъ религіозному духу образованнаго общества). Обратившись въ православіе, сдѣлавшись монахомъ, о. Климентъ, казалось бы, представлялъ прекраснаго церковнаго руководителя для общества. Что̀ же видимъ? О. Климентъ— живой, отзывчивый,—очень много трудится, но ничуть не вмѣстѣ съ „обществомъ“. Онъ переводитъ и издаетъ Авву Дороѳея, Іоанна Лѣствичника и т. п. Общество читаетъ гг. Достоевскихъ и Соловьевыхъ, о. Климента даже не знаетъ, и самъ о. Климентъ столь же мало объ этомъ заботится, какъ любой „косный“ и „узкій“ монахъ. Это не значитъ, чтобъ онъ не велъ проповѣди. Напротивъ. Но къ *обществу* и онъ ее не рискуетъ обращать, а заботится о выработкѣ отдѣльныхъ личностей. Такъ онъ много сдѣлалъ для К. Н. Леонтьева. Сначала они долго не могли ни до чего договориться. Между ними очевидно лежала та же преграда, которая вообще отдѣляетъ религіозные интересы общества отъ религіозныхъ интересовъ духовенства. „Сначала, разсказываетъ К. Н. Леонтьевъ, я думалъ, что *онъ меня не понимаетъ* (какъ однообразно это предположеніе является у самовлюбленныхъ нашихъ людей общества), но потомъ убѣдился, что не онъ меня, а *я его не понималъ*“.

Въ чемъ же дѣло? К. Н. Леонтьевъ въ то время, толкуя о религіи, еще „никакъ не могъ забыть исполинскую культурную борьбу“ двухъ міросозерцаній; центръ тяжести его интереса находился въ судьбахъ ея. „Я, говоритъ онъ, думалъ о *судьбахъ Европы*, а онъ (о. Климентъ), тревожно и настойчиво возражая мнѣ, *думалъ о душѣ моей*“... [1].

Вотъ гдѣ, смѣю думать, причина разности языковъ и т. п. Одни интересуются яко бы религіозными вопросами, собственно какъ условіемъ тѣхъ или иныхъ судебъ гражданскаго общежитія, другіе думаютъ о спасеніи души. Еслибы наше образованное общество имѣло искренность и чутье К. Н. Леонтьева,— оно бы, какъ и онъ, давно перестало толковать о „косности“, „непониманіи“ и т. п. духовенства. Не въ косности дѣло, а въ разности *стремленій*, разности пониманія того, что̀ въ жизни есть главное и что̀ второстепенное. Это гораздо важнѣе и печальнѣе, нежели была бы „косность“ духовенства.

III.

Различіе основныхъ *стремленій* духовенства и общества составляетъ настоящій центральный пунктъ вопроса о значеніи и будущности современнаго религіознаго „пробужденія“ общества. Хороши или дурны его основные интересы, право ли это „движеніе“ или Церковь — эти вопросы, конечно, смотря по міросозерцанію человѣка, рѣшаются различно. Но самый фактъ долженъ быть сознанъ всякимъ, кто желаетъ понимать, куда идетъ и чего можно ждать отъ нашего „религіознаго пробужденія“. Въ дѣйствительности его конечные результаты, его историческая миссія можетъ быть и очень полезною и очень вредною, смотря по тому, какіе элементы „религіознаго“ движенія получатъ верхъ. Если различія основныхъ стремленій общества и Церкви не сойдутся, то Церкви отъ него можно ждать только опасностей, о которыхъ мы уже слышали предостереженіе покойнаго М. О. Кояловича.

„Въ нашемъ русскомъ обществѣ, говорилъ онъ на академическомъ актѣ 1890 года, замѣчается одно направленіе, которое

---

[1] *О. Климентъ Зедергольмъ*, стр. 97.

требуетъ большой заботливости и въ то же время *большой и своевременной предосторожности*. Въ нашу духовную среду теперь чаще и чаще поступаютъ лица свѣтскаго сословія... „Это, продолжалъ М. О. Кояловичъ — хорошее направленіе. Но не надобно забывать, что при этомъ направленіи въ нашу духовную среду могутъ вступать новые люди и изъ такихъ слоевъ свѣтскаго званія, которые больше всего изломаны петровскими преобразованіями и могутъ даже помимо воли вносить въ нашу духовную среду воззрѣнія, пріемы, дѣйствія и привычки, выработанные на почвѣ западно-европейскаго иновѣрія—латинисты, протестанты и даже реалисты.“

Эти опасенія, конечно, не покажутся преувеличенными, когда мы вспомнимъ, что въ интересующей насъ части общества различіе съ Церковью заходитъ гораздо далѣе простыхъ пріемовъ дѣйствія и простирается на самыя основныя *стремленія*. Это можно видѣть ужь изъ того, что проповѣдь духовныхъ для него яко бы „непонятна“. „Понятною“ оказывается проповѣдь свѣтскихъ миссіонеровъ, въ которой центръ тяжести заботъ и помышленій оказывается перенесеннымъ въ область чисто мірскихъ, земныхъ интересовъ. Ихъ „религія“ постоянно является какъ орудіе земнаго благоустройства. О православіи постоянно говорится какъ о религіи Русскаго народа. Значеніе православія показывается постоянно не съ его дѣйствительно существенной стороны (какъ *истины* самодовлѣющей и какъ *пути ко спасенію* души), а со стороны его значенія для Русскаго государства, русскаго общественнаго строя. У иныхъ православіе является въ видѣ какихъ-то варіацій на мечты Евреевъ о пришествіи Мессіи. Православіе является орудіемъ выработки русскаго (непремѣнно русскаго) „всечеловѣка“, который воплотитъ въ себя стремленія всѣхъ народовъ и приведетъ ихъ къ какому-то „тысячелѣтнему царству“, подъ своимъ конечно главенствомъ. У иныхъ еще — „національнизмъ“ религіи исчезаетъ, но только для того, чтобъ уступить мѣсто космополитическимъ соціальнымъ мечтаніямъ то въ прогрессивномъ, то въ реакціонномъ духѣ. У иныхъ замѣтно — разочарованіе въ соціальной жизни, но опять лишь для того, чтобъ уступить мѣсто заботѣ, какъ лучше прожить *на землѣ* безъ страданія. Вездѣ и повсюду — интересъ земной и временный заслоняетъ собою интересъ религіозный и вѣчный. Безъ сомнѣнія—религія имѣетъ огромное вліяніе и отраженіе на

всѣхъ „земныхъ“ дѣлахъ. Но важенъ исходный пунктъ, *центральный* интересъ. Важно то, къ земной ли заботѣ подходимъ мы съ точками зрѣнія, данными абсолютною истиной религіи, или наоборотъ — изъ-за земнаго попеченія стремимся такъ или иначе опредѣлить религіозную истину?

Одни — землю подчиняютъ небу; другіе — небо землѣ. Противоположность коренная. Духовенство, какъ мы видимъ, не было обмануто тѣмъ, что внѣрелигіозная сущность прикрывалась религіозною терминологіей. Это зависитъ не отъ одной личной проницательности (потому что одинаково сказывается въ людяхъ выдающихся и среднихъ), а прежде всего отъ того, что духовенство является носителемъ вѣковой *церковной мудрости*. Оно сразу поняло или почувствовало, что *совмѣстной* работы съ такимъ движеніемъ у него не можетъ быть, и потому продолжало дѣлать *свое*, особое дѣло, не вступая въ общеніе, которое могло быть только вреднымъ для него. Общество, наоборотъ, до сихъ поръ не поняло ни себя, ни духовенства. Видя его отчужденіе отъ себя, люди общества не нашли ничего глубже фразъ о косности, рутинѣ, замкнутости.

Такъ юноша-студентъ, прочтя двѣ-три книжки, обвиняетъ своего профессора въ косности и рутинерствѣ. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что профессоръ видитъ ненаучность пріемовъ юноши и, конечно, не соглашается ихъ усвоить. То же самое происходитъ нынѣ между обществомъ и духовенствомъ по вопросу о задачахъ Церкви и значеніи религіи. Профессоръ не можетъ насильно повысить пониманіе юноши, а принужденъ ждать, чтобы тотъ самъ къ нему пришелъ, хотя бы первоначально по довѣрію къ его ученымъ трудамъ. Такъ и духовенство *не можетъ* стать объ руку со смутнымъ религіознымъ движеніемъ общества и принуждено ждать, чтобъ общество къ нему пришло, хотя бы по довѣрію къ той фактической работѣ, въ которой Церковь уже наглядно доказала правильность *своего* пониманія жизни.

Общество хлопочетъ о благоустройствѣ соціальномъ. Церковь Православная и вѣрное ея духу духовенство русское *прежде всего* заботятся о спасеніи душъ, то-есть о *духовной выработкѣ* человѣка. Обществу очень не трудно исторически справиться о результатахъ такой постановки вопроса человѣческой жизни.

IV.

Насъ конечно не обвинятъ въ пристрастіи къ Русской церкви, если мы обратимся за рѣшеніемъ вопроса къ г. В. Соловьеву. Очевидность факта однако приводитъ и такихъ людей къ самымъ неожиданнымъ признаніямъ. „Обыкновенно, говоритъ онъ,— народъ, желая похвалить свою національность, въ самой этой похвалѣ выражаетъ свой національный идеалъ, то, что̀ для него *всего лучше*, чего онъ *болѣе всего желаетъ*. Такъ, Французъ говоритъ о *прекрасной* Франціи и о французской *славѣ* (la belle France, la gloire du nom français). Англичанинъ съ любовью говоритъ: *старая* Англія (old England). Нѣмецъ подымаетъ выше и, придавая этическій характеръ своему національному идеалу, съ гордостью говоритъ *die deutsche Treue*. Что̀ же въ подобныхъ случаяхъ говоритъ Русскій народъ, чѣмъ онъ хвалитъ Россію? Называетъ ли онъ ее прекрасною, говоритъ ли онъ о русской славѣ или о русской честности и вѣрности? Ничего такого онъ не говоритъ и желая выразить свои лучшія чувства къ родинѣ, говоритъ только о *святой Руси*. Вотъ идеалъ не консервативный, не либеральный, не политическій, не историческій, даже не формально этическій, а идеалъ нравственно-религіозный.“ [1]

Нельзя, конечно, сильнѣе признать заслугъ Церкви. Привести человѣка къ тому, чтобъ онъ мечталъ о святости, какъ высшемъ идеалѣ,—это значитъ дать ему то „единое на потребу“, при которомъ все остальное, второстепенное, приложится само собой. Ни латинство ни своевольныя умствованія протестантства не могли дать своимъ воспитанникамъ этого главнаго, существеннѣйшаго. Одна Русская церковь, по признанію г. Соловьева, умѣла понять задачу и выполнить ее. То же признаніе г. Соловьевъ повторяетъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ обширномъ памфлетѣ противъ православія, *La Russie et l'eglise Universelle* (Paris, 1889). Это въ полномъ смыслѣ Валаамово благословеніе. Г. Соловьевъ собственно пришелъ проклинать. Онъ доказываетъ будто бы миссію христіанства исполняло только папство. Православіе, по его увѣреніямъ, пало еще во времена вселенскихъ

[1] *Національный вопросъ въ Россіи*, стр. 72, 1888 годъ.

соборовъ. Вотъ какую картину „византійскаго православія“ онъ рисуетъ:

„Обѣ власти (императорская и церковная) объяснились и подали другъ другу руки. Ихъ связала общая обѣимъ идея: *отрицаніе христіанства, какъ силы соціальной*, какъ двигательнаго принципа историческаго прогресса. Императоры разъ навсегда приняли православіе, какъ отвлеченую догму, а православная іерархія благословила in saecula saeculorum язычество публичной жизни“. „Это такъ называемое византійское православіе, продолжаетъ онъ, было въ дѣйствительности *возрожденіемъ всѣхъ ересей*“. И съ самою забавною серьезностью начинаетъ увѣрять, будто бы въ православіи соединились воедино *всѣ* ереси: аріанство, несторіанство, монофелитство и т. д. вплоть до иконоборства... Изъ этого-то букета соединенныхъ ересей онъ производитъ *русское православіе*!

Въ это именно время мы приняли христіанство. „Народъ русскій, повѣствуетъ нашъ вольный пророкъ, купилъ, со св. Владиміромъ, евангельскую жемчужину, всю покрытую византійскою пылью“ (стр. 17).

Итакъ, стало-быть, Россія съ самаго рожденія своего была обречена на духовную гибель, неизбѣжную при такомъ происхожденіи. Между тѣмъ, на Западѣ въ то же время ярко блещетъ свѣтило благодѣтельнаго папизма. Папы учатъ, дѣйствуютъ, воспитываютъ. И что́ же получается черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ? Увы, г. Соловьевъ принужденъ сознаться, что въ Европѣ получается настоящее кораблекрушеніе христіанства: „Идея христіанства исчезла; ....національная ненависть въ размѣрахъ совершенно неизвѣстныхъ Среднимъ Вѣкамъ; глубокій и непримиримый общественный антогонизмъ; борьба классовъ... прогрессивный упадокъ нравственныхъ силъ личности“ (LVIII). Положеніе столь отчаянное, что во всѣхъ предѣлахъ міра, воспитаннаго папизмомъ, г. Соловьевъ не находитъ средствъ спасенія. По его соображеніямъ необходимо отыскать *государство*, которое было бы настолько проникнуто христіанскимъ духомъ, чтобы добровольно явилось къ услугамъ церкви (то-есть папы) и дополнило ея работу. Но, удивительная вещь, хотя у папъ были десятки государствъ, ими взрощенныхъ, всѣ они развратились, разстроились, отреклись отъ Христа. И вотъ г. Соловьевъ принужденъ обратить взоры — къ кому же? къ Россіи, къ этой злопо-

лучной Россіи, родившейся inter feces et urinas византійскихъ ересей!

„Остается узнать, есть ли въ христіанскомъ мірѣ сила, способная съ лучшими надеждами возобновить дѣло Константина (то-есть Равноапостольнаго) и Карла Великаго“. Гдѣ же она? „Глубоко религіозный характеръ Русскаго народа“, отвѣчаетъ онъ самъ себѣ, и другія обстоятельства „указываютъ, повидимому, что историческое назначеніе Россіи—доставить вселенской церкви (то-есть папизму) политическую силу, необходимую ей для того, чтобы спасти и возродить Европу и весь свѣтъ“ (LIX).

Папство погубило всѣ народы, имѣвшіе несчастье попасть къ нему на воспитаніе. Слѣдовательно, заключаетъ г. Соловьевъ, нужно отдать папѣ и тотъ единственный народъ, который, по милости Божіей, воспитанъ православною церковью въ истинно христіанскомъ духѣ. Такая логика—внѣ обсужденія. Да я и не имѣю въ виду полемизировать съ г. Соловьевымъ. Я хотѣлъ лишь указать, что *факты* даже и такихъ, какъ онъ, приводятъ къ невольному признанію мудрости и истины православія. Сами же по себѣ факты говорятъ, конечно, еще больше, чѣмъ слышится изъ устъ нашихъ Валаамовъ.

Если спасеніе Европы требуетъ вмѣшательства Россіи, то, конечно, не только въ смыслѣ матеріальной силы государства. Европа имѣла и имѣетъ достаточно сильныхъ государствъ. Если ей нужно *русское*, то лишь *по духу*, его (сравнительно говоря) одушевляющему. Но откуда этотъ духъ? Отъ православія, отъ православной церкви, отъ православнаго духовенства. Отнимите постоянное воздѣйствіе духа православія, и тогда чѣмъ же Русское государство будетъ отличаться ото всякаго другаго? Слѣдовательно, Европѣ нужно не государство, а *православіе*. Еслибъ Европа прониклась духомъ православія, она бы создала столь же православныя государства, какъ наше, и даже болѣе, почему нѣтъ? Не къ государству стало-быть, а къ церкви нашей должна прибѣгнуть латинская и протестантская Европа. У церкви нашей она должна искать секрета христіанскаго воспитанія народовъ, то-есть усвоить православное воззрѣніе на то, что̀ есть царство Божіе и царство міра сего, каково между ними отношеніе и куда, стало-быть, должны быть направляемы стремленія и помыслы людей.

Вотъ къ какимъ выводамъ приходится придти при безпри-

страстной оцѣнкѣ. Оказывается, значитъ, что не переучивать нужно духовенство русской церкви, а *у него учиться*. И если этотъ выводъ относится къ папѣ римскому и протестантизму, то вдесятеро сильнѣе относится онъ къ нашему „религіозному движенію“, насквозь пропитанному продуктами разложенія этихъ двухъ искаженныхъ разновидностей христіанства.

V.

Убѣдиться въ томъ не трудно. Въ жизни Православной Церкви, а вовсе не въ одной Россіи, мы постоянно видимъ наглядныя доказательства того, какъ правильныя основанія ея міросозерцанія благодѣтельно отзываются на развитіи личномъ и общественномъ. Такіе примѣры даетъ и Византія, въ которой свою духовную выработку личности Церковь примѣняла къ средѣ природно очень неблагодарной. Т. Н. Грановскій, указывая на мѣшанину варварскихъ, наиболѣе испорченныхъ племенъ, изъ которыхъ состояла Византійская имперія, съ величайшимъ почтеніемъ останавливается передъ „силой, которая собрала воедино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя между собою стихіи“, создавая государственныя формы и понятія, въ сравненіи съ которыми строй тогдашней Западной Европы представлялся чѣмъ-то „варварскимъ, безконечно грубымъ“. [1] Примѣрами животворящаго воздѣйствія церковно-православнаго вліянія на различные народы и отдѣльные слои ихъ полна исторія.

Но та же исторія еще болѣе полна примѣрами, заранѣе предсказывающими только деморализацію и разложеніе всему, созидаемому стремленіями, которыя наблюдаются въ „религіозномъ движеніи“ современнаго образованнаго общества нашего. Въ немъ повторяются психологическіе мотивы, уже достаточно демонстрированные Римомъ и протестантизмомъ. Оно очень хочетъ устроить житейское благополучіе, очень хочетъ сдѣлать людей счастливыми, но ничего не достигнетъ, потому что берется за дѣло не съ того конца.

Можетъ показаться страннымъ, какъ люди, только и думающіе о земномъ благополучіи, вкладывающіе всю душу въ его

---

[1] Соч. *Грановскаго*, т. II, стр 111—120.

осуществленіе, добиваются только разочарованія и истощенія силъ. Люди, погруженные въ заботы о неосязаемой загробной жизни,— наоборотъ,—здѣсь на землѣ достигаютъ результатовъ, которые составляютъ высшіе извѣстные на землѣ примѣры личнаго и общественнаго развитія! Эта странность объясняется, однако, сама собой. Дѣло въ томъ, что *человѣкъ*, по природѣ своей, именно таковъ, какъ его *вѣрой* понимаетъ христіанство, цѣли жизни, указываемыя намъ *вѣрой*, именно таковы и есть въ дѣйствительности, а не таковы, какими ихъ рисуетъ разсудокъ, отдѣленный отъ вѣры. Поэтому, воспитывая человѣка сообразно православному міросозерцанію, мы ведемъ его воспитаніе *правильно*, а отсюда получаемъ и результаты благопріятные не только въ главномъ (о которомъ не заботятся невѣрующіе), но и во второстепенномъ (къ которому только и лежитъ ихъ сердце). Утрачивая *вѣру*, переставая поэтому заботиться о главномъ, люди, напротивъ, теряютъ возможность развивать человѣка сообразно съ его дѣйствительною природой, а потому — и въ земной жизни получаютъ результаты искаженные.

Потому-то появленіе у насъ „религіознаго движенія“ съ оттѣнками, видимо отграничивающими его отъ церковнаго ученія, можетъ возбуждать только тревогу и опасеніе за его будущее, за его вліяніе на Россію.

Въ этомъ движеніи, прежде всего, крайне мало *религіознаго* элемента, оно по преимуществу есть движеніе *умственное*. Оно ищетъ Бога не для того, чтобы стать тѣмъ, что̀ указываетъ Богъ, а для того, чтобы закрѣпить и усилить *свои* желанія, *свои* требованія отъ жизни. Это ложный пріемъ въ рѣшеніи вопросовъ жизни. Онъ самъ по себѣ обнаруживаетъ упадокъ *духовной* природы людей, впадающихъ въ такую ошибку. Не искаженная духовныя природа человѣка ведетъ его къ исканію *самодовлѣющей* истины, безо всякаго предписыванія ей прикладныхъ цѣлей. Таково *религіозное* исканіе. Оно ищетъ Бога въ томъ проявленіи, какое угодно было Ему дать, и не позволяетъ себѣ перебирать эти проявленія, одни отбрасывать, другія принимать, обращаться съ текстами Св. Писанія и фактами Божественнаго проявленія, какъ адвокатъ обращается съ законами, подтасовывая ихъ по указанію интересовъ кліентовъ. Вотъ этого-то дѣйствительнаго, повелительно-религіознаго чувства и мало у насъ. Не даромъ же г. Соловьеву такъ не нравится „византійское православіе“, которое онъ срав-

нивается съ Исламомъ за пониманіе сущности вѣры. Но въ Исламѣ ложно не заимствованное изъ истинной вѣры понятіе о *подчиненіи* Богу, а то, что это „подчиненіе“ осталось у Магомета пустымъ звукомъ. А вѣра, конечно, по существу есть актъ подчиненія Богу, точно такъ же какъ и всякое другое *искреннее* исканіе истины есть заранѣе предрѣшенное подчиненіе тому, что́ окажется истиной. Прикладныя стремленія нашего якобы „религіознаго“ движенія удивительнымъ образомъ совпадаютъ съ такимъ же господствомъ прикладныхъ стремленій въ другихъ отрасляхъ его духовныхъ и душевныхъ интересовъ. Не та ли же самая неспособность къ безвозмездному исканію истины въ этотъ самый періодъ проявляется у насъ въ отношеніяхъ къ „чистой наукѣ“, „чистому искусству?“ „Образованный слой“, воспитанный европейскими воздѣйствіями и лишь чуть-чуть одухотворенный небольшими жилками, связывающими его черезъ Россію съ православіемъ, обнаруживаетъ чисто европейское оскудѣніе духа, то самое, на которое жалуется г. Соловьевъ въ Европѣ. На этой почвѣ, духовно истощенной, является наше „религіозное“ движеніе, въ которомъ менѣе всего главнаго—*вѣры*, безкорыстной, самоотверженной и болѣе всего *умствованій*. Что́ ни вольный пророкъ, то новая вѣра. Всякій смѣетъ представлять себѣ Бога, какъ вздумаетъ, словно будто въ самомъ дѣлѣ Богъ *Самъ Себя* не показываетъ съ начала жизни рода человѣческаго!

Эти умствованія, всегда безплодныя, составляютъ проявленіе религіозной *слѣпоты*, отсутствіе чувства *вѣры*. Разъ нѣтъ вѣры, непремѣнно приводящей къ церковному единству, неизбѣжно появляются философскія попытки разсудкомъ найти Бога. Но разсудокъ — способность подчиненная. Если онъ не направляется высшимъ единымъ органомъ религіознаго воспріятія—чувствомъ вѣры, то онъ будетъ направляться низшими стремленіями, которыя безконечно многочисленны. Отсюда всѣ ереси, всѣ „толки“, всѣ и современныя умствованія. Это такой путь исканія, который заранѣе предсказываетъ только безконечное разложеніе, раздробленіе, во всѣхъ проявленіяхъ одинаково безплодное, а потому, въ концѣ концовъ, лишь утомляющее и приводящее людей къ ложному убѣжденію, что въ сущности никакой религіозной истины *не существуетъ*. Конецъ его, въ лучшемъ случаѣ —холодный скептецизмъ, съ одной стороны, грубый, чувственный мистицизмъ, развратъ нервовъ, съ другой. Ничего другаго не можетъ быть, и

наша церковь, по первымъ же ложнымъ шагамъ „движенія“, совершенно правильно почувствовала, что у нея съ нимъ нѣтъ ничего общаго, что въ отношеніи его она можетъ только спасать *отдѣльныхъ людей*, вырывая ихъ съ ложнаго пути, да еще — неуклонно твердо занимаясь *своимъ* дѣломъ, въ *своей* православной средѣ, держать маякъ спасенія для всѣхъ гибнущихъ, способныхъ еще оглянуться и спросить себя, гдѣ берегъ.

VI.

Типическія черты „религіознаго“ броженія въ образованномъ обществѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что слой этотъ чрезвычайно *вліятеленъ*. Онъ господствуетъ въ прессѣ, въ наукѣ, искусствѣ, силенъ въ государственной службѣ, проникаетъ и въ промышленность. У него тысячи средствъ вліять на всю Россію. Эта возможность вліянія нравственно обязываетъ его самого относиться къ себѣ не спустя рукава, а съ сознаніемъ великой отвѣтственности за свои ошибки. Это такое положеніе, когда ошибающійся губитъ не себя одного, а еще, сверхъ того, многихъ другихъ, можетъ-быть, даже и всю страну. Дѣйствительно, если предположить, что религіозное движеніе образованнаго общества не выходитъ на правильную дорогу, то почти немыслимо надѣяться, чтобъ оно не сдѣлалось очагомъ разложенія для чрезвычайно большой части населенія. А это обстоятельство, не мѣшая, конечно, остальной православной части населенія попрежнему оставаться въ истинной Церкви, будущность Россіи, въ цѣломъ, несомнѣнно компрометтируетъ. Страна въ цѣломъ не можетъ развиваться въ духѣ только *одной* части населенія, а представляетъ нѣкоторую „равнодѣйствующую“ *всѣхъ* составляющихъ силъ. Никакое сектантство верхнихъ слоевъ не помѣшаетъ Церкви Православной существовать въ Россіи, но можетъ очень помѣшать Россіи быть *православною страной*, то-есть страной, всецѣло проникнутою духомъ православія, въ культурѣ, въ учрежденіяхъ, въ исторической роли своей.

Съ другой стороны, еслибы предположить, что верхніе слои, столь дѣятельные и вліятельные, не отрывали Россію отъ православія, а, наоборотъ, стали орудіемъ его укрѣпленія въ странѣ, то трудно себѣ даже представить всѣ великія послѣдствія этого.

Правду сказать, несвоевременно говорить объ этомъ при нынѣшнемъ всеобщемъ помѣшательствѣ на величіи. Конечно, пока мы не перестанемъ мечтать о великомъ, то ничего не только великаго, а и малаго не сдѣлаемъ. Но оставляя въ сторонѣ это обстоятельство и разсуждая *вообще*—конечно отъ содѣйствія общества можно бы ожидать многаго. Церковь, лишенная сознательнаго и вѣрнаго содѣйствія верхнихъ слоевъ уже почти двѣсти лѣтъ, не можетъ воздѣйствовать на Россію такъ всесторонне, какъ это было бы желательно, особенно при настоящемъ состояніи христіанскаго міра, на Востокѣ слабаго внѣшне, на Западѣ разлагающагося внутренне. Въ такихъ условіяхъ православное развитіе Россіи, какъ *цѣлаго*, во всѣхъ сторонахъ ея культуры, учрежденій и т. д. могло бы имѣть дѣйствительно міровое значеніе. Но для этого необходимо *дѣйствительное* православіе верхнихъ, образованныхъ слоевъ страны.

Но даже помимо „міровыхъ“ дѣлъ, даже для нашей собственной, мѣстной и личной жизни, вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашего „религіознаго движенія“ представляетъ весьма жгучій интересъ. Оставимъ въ покоѣ „міръ“,—но мы *сами* не можемъ не страдать отъ всего, что̀ ложно и фальшиво въ мысли и настроеніи наиболѣе вліятельныхъ слоевъ нашей страны. Какъ же избавиться отъ этого источника заразы? Гдѣ же средства дать этому движенію правильный ходъ и предохранить отъ ложнаго? На вопросъ этотъ можно отвѣтить не обинуясь. Въ *самомъ себѣ* оно не носитъ задатковъ здраваго развитія. Его коренной недостатокъ — слабость *вѣры* и обиліе *умствованій*. Его движеніе, въ религіозномъ смыслѣ, регрессивно. Религіозное развитіе первыхъ славянофиловъ несомнѣнно выше ихъ преемниковъ. Въ позднѣйшій періодъ и до настоящаго времени „религіозное движеніе“ это вырисовываетъ черты очевиднаго духовнаго разложенія. Достаточно указать на популярную идею русскаго „всечеловѣчества“. Эта злополучная идея, приглашающая Россію *пережить* всѣ духовныя болѣзни прочихъ народовъ, „перестрадать“ ихъ заблужденія, и потомъ все и всѣхъ привести ко Христу, очень ярко показываетъ смѣсь распущенности и гордости, наполняющихъ наши яко бы „религіозныя“ стремленія. *Просто* позаботиться о своемъ спасеніи — кажется слишкомъ сухо, не интересно. Нужно сначала по уши забраться во всякую грязь, какая только гдѣ-нибудь на свѣтѣ найдется,

заразиться всѣми грѣхами, и потомъ ужь изъ самой глубины паденія вознестись въ святость, да еще поднять съ собою весь міръ—вотъ что̀ „эффектно“, затрогиваетъ нервы нашего больнаго интеллигента! Кстати же, пока до святости, идея разрѣшаетъ всякую распущенность, можно и должно всласть нагрѣшиться. Нечего и говорить, что всѣ эти измышленія только роютъ яму охваченнымъ ими. Мы теперь видимъ много обращиковъ этихъ „перестрадавшихъ“: типы больные, изломанные, потерявшіе всѣ силы, всякую способность придти къ духовному равновѣсію. Это путь такой же нелѣпый, какъ еслибы мы, желая развить физическое здоровье человѣка, съ этою цѣлью подвергали его всѣмъ заразамъ, предписали ему поперемѣнно пожить въ чумномъ госпиталѣ, лихорадочныхъ долинахъ, лепрозныхъ убѣжищахъ и т. д. Конечно, съ такимъ „санитарно-гигіеническимъ“ воспитаніемъ можно получить только трупъ, либо хилый, въ конецъ испорченный организмъ.

Для полученія здоровой личности нужно здоровое воспитаніе. Не портить себя, не уродовать до невозможности исправленія, а хранить и развивать здоровье. У насъ есть сѣмена здороваго духовнаго развитія, насажденныя Церковью. Ихъ только и нужно развивать, а вовсе не грѣхи и заблужденія. Нужно поступить въ добрую, умную школу, а не шататься по всѣмъ притонамъ духовнаго разврата. Только такимъ путемъ мы можемъ спастись сами и—если намъ это указано—дать *примѣръ* міру, исполнить „всечеловѣческую“ миссію, прельщающую воображеніе нашихъ образованныхъ людей. На этотъ путь должно направиться ихъ „религіозное“ движеніе для того, чтобъ изъ него вышло добро, а не зло.

Но внутреннихъ силъ для такого здороваго развитія въ этомъ движеніи нѣтъ. Его тенденціи совсѣмъ иныя. Нашему образованному обществу нужно поэтому искать помощи *извнѣ*, самостоятельно, добровольно подчинившись оздоравливающему вліянію Церкви, или, говоря конкретнѣе — *духовенства*. Это единственный путь, которымъ общество можетъ привести въ порядокъ свои стремленія. Когда основной тонъ даетъ жизнь духовная, стремленія *вѣры*, все остальное сложится и разовьется правильно. Когда искаженное развитіе перемѣститъ центръ тяжести отъ главнаго во второстепенное, изъ основнаго въ производное—все путается, какъ мы и теперь видимъ. Для возстановленія правиль-

наго развитія нашему обществу необходимо *воспитаніе чувства вѣры*, и, стало-быть, отрѣшеніе отъ умствованій, отъ глубоко-ошибочной привычки *разсудкомъ* „самочинно“ искать религіозной истины. Первый актъ стремленія къ культурѣ чувства *вѣры* есть скромное обращеніе *за ученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было Самому показать себя, то-есть въ Церковь, къ духовенству, которому ввѣрено *ученіе*. Этотъ первый шагъ еще лежитъ предъ нашимъ „религіознымъ“ движеніемъ, и люди общества могутъ его сдѣлать только самостоятельнымъ усиліемъ, добровольно. Церковь вообще, а духовенство въ частности дѣйствительно обладаютъ истиной, дѣйствительно *могутъ* ее дать, но только *желающему*. Это не безучастіе, не косность, а послѣдствіе того основнаго факта духовной природы, что для познанія религіозной истины нужно *внутреннее*, самостоятельное пробужденіе *вѣры*. Безъ этого никто ничего не можетъ сдѣлать.

Скромное, безхитростное подчиненіе авторитету Церкви есть для общества первый шагъ, можетъ-быть, самый трудный. Но когда онъ будетъ сдѣланъ, то люди общества сразу попадутъ въ надлежащую школу духовной выработки. Все остальное— простой вопросъ времени и личныхъ способностей Весь вопросъ и все будущее въ томъ: будетъ ли общество *само* устраивать свое религіозное развитіе, все глубже и безнадежнѣе его разстраивая, или, оставивъ шатанье, придетъ на выучку къ духовенству. Пойметъ ли умствующее общество, что его вольные пророки— въ общемъ пониманіи законовъ духовной жизни не больше какъ испорченныя дѣти, въ сравненіи съ носителями вѣковой мудрости Церкви? Сохранитъ ли само духовенство въ отношеніи „шатающихся“ свое твердое положеніе, безо всякихъ недозволительныхъ „уступокъ“ и „компромиссовъ“? Въ этихъ вопросахъ все будущее общественнаго „религіознаго“ движенія настоящаго времени.

